

ПОЗИТИВИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРЕДМЕТ И КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Иванова Анна Сергеевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии МГТУ им. Н. Э. Баумана,
105005, Россия, Москва, 2-ая Бауманская ул., д. 5
E-mail: anna-msu@yandex.ru*

POSITIVISTIC METHODOLOGY OF SOCIAL RESEARCH: THE SUBJECT AND THE COGNITIVE STRATEGY

Anna Ivanova

*candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy Chair,
Bauman Moscow State Technical University,
105005, Russia, Moscow, second Bauman Street, 5*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению ряда системообразующих принципов построения классической социологии XIX в. Проведена историко-философская реконструкция идей А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. Показано влияние естественнонаучной модели рациональности, сформулированной Г. Галилеем и И. Ньютоном, на классическую социальную теорию; среди ключевых характеристик последней выделены «структурное» прочтение социальной реальности, количественные методы анализа, а также идеал ценностно-нейтрального исследования.

ABSTRACT

The article is devoted to considering a number of systemically important principles of classical sociology formation in XIX. A historical and philosophical reconstruction of the ideas of Saint-Simon, Auguste Comte, Herbert Spencer, Emile Durkheim is conducted. The influence of natural scientific rationality model is shown which is formulated by G. Galileo and I. Newton for the classical social theory; among the key characteristics "structural" interpretation of social reality, quantitative analysis methods, as well as an ideal value-neutral research are marked.

Ключевые слова: позитивизм, методология социального познания, классический идеал науки.

Keywords: positivism, methodology of social cognition, the classical ideal of science.

Для уяснения специфики предмета и метода социологии на стадии обретения ею научного статуса необходимо обратиться к науке Нового времени как таковой: именно по лекалам классической рациональности выстраивалось социальное познание в XIX в. Тремя столетиями ранее – в XVI в., – как полагают многие историки и философы науки, произошла одна из наиболее радикальных революций человеческой мысли. Связывается она по праву с именем Г. Галилея: именно ему суждено было соединить «авторитет экспериментально установленного знания и принудительную силу математического вывода» [9, 403]. Физической теории должна быть придана математическая форма – именно этим принципом руководствовался впоследствии И. Ньютон, создавая «Математические начала натуральной философии»: «Натуральная философия должна была установить математические законы... установить посредством индукции, а не с помощью чистой спекуляции» [5, 246].

В этой связи необходимо особо подчеркнуть: Наука Нового времени конституируется в противо-

поставлении себя всем иным, «не-научным» способам освоения мира. «Великое восстановление наук» возможно лишь при искоренении разного рода «привычек ума» и предрассудков, зиждущихся на здравом смысле и опыте повседневности. Равно не допустима как наивность обыденного сознания, так и не удостоверяемые в опыте умозрения схоластов. Таким образом, борьба ведется на два фронта: геометрическое мышление возвышает науку над наивным реализмом обывательской позиции, а инженерно-экспериментальная ориентация исследования крепко связывает ее с «действительностью».

Именно поэтому, с нашей точки зрения, не вполне корректна тематизация специфики новоевропейской науки как только лишь «опытной» – в противовес спекулятивной традиции средневековья. Речь не об эмпирии как таковой, а о математическом экспериментировании: «Экспериментирование состоит в методическом задавании вопросов природе; это задавание вопросов предполагает и включает в себя некоторый язык, на котором формулируются вопросы, а также некоторый словарь, позволяющий нам читать и интерпретировать ответы... Языком, на

котором мы должны обращаться к природе... являются кривые, круги и треугольники – математический или, точнее, геометрический язык» [5, 129]. Именно математика, будучи языком *самой природы*, приравнивает человеческий разум к божественному. «Я утверждаю, – говорит Галилей в «Диалоге о двух главных системах мира», – что человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа; таковы чистые математические науки... Хотя божественный разум знает в них бесконечно больше истин, ибо он объемлет их все, но в тех немногих, которые постиг человеческий разум, я думаю, его познание по объективной достоверности равно божественному» [9, 402].

Математическое естествознание есть поэтому специфический способ репрезентации объектов: качественно разнородная реальность уступает место универсальному, основанному на единых законах миропорядку. Классическая механика тем самым наследует онтологические притязания метафизики: «Если множественность сущего покидается в пользу единичности, то физика и метафизика совпадают. Физика как простое установление того, что дано, является в то же самое время метафизикой как полагание того, что вообще может быть» [7, 13].

Бытие едино в том смысле, что геометрический разум усматривает в нем не предметность как таковую, а ее абстрактные характеристики (протяженность, плотность). Новоевропейская наука Галилея мыслит модельно – «ансамбль параметров» заменяет «суть вещи» (в платоновском смысле). В этом контексте следует понимать замену греческого *фюсиса* новоевропейской Вселенной.

Вся радикальность подобной трансформации европейского мышления будет осмыслена лишь в XX столетии, в первую очередь, в работах Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Классическая же наука, самим фактом своего существования обязанная новой картине мира (или «картине мира» как таковой, как на том настаивал Хайдеггер), будет рассматривать механику как *наконец* обретенную основу научности.

Для реконструкции базовых концептуальных положений классической науки обратимся к работе А. Эйнштейна «Физика, философия и научный прогресс». Работа была написана им в середине XX века, в ней он обращается к *той физике* и тем ее временам, когда «всякое философствование было бы с презрением отброшено». В рамках этой модели исходят из допущения физической реальности, не зависящей от познания и наблюдения. «Ее можно полностью постичь с помощью теоретического построения, описывающего явления в пространстве и времени... обоснованием такого построения является только его эмпирическое подтверждение. Законы природы — это математические законы, выражающие связь между элементами теоретического построения» [См. 14].

«Процессы в неорганической материи представлялись в виде своеобразного часового механизма, все детали которого полностью известны...» И, хотя сложность взаимодействия «деталей» не позволяла

провести исчерпывающий анализ, – «не было никаких сомнений в том, что неустанные усилия экспериментаторов и теоретиков шаг за шагом приведут ко все возрастающему пониманию всех процессов». Фундаментальные законы физики казались надежно установленными, посему «вряд ли можно было ожидать, чтобы они оказались неверными в органической области» [См. 14].

Подобная установка санкционировала экспансию объяснительных моделей физики на сопредельные территории, в частности науки о живом. «В то время как физика развивалась как младшая сестра небесной механики, биология развивалась как младшая сестра физики» [См. 14]. Таковы «термины родства», в которых предстает система знания Нового времени.

Таким образом, механика определяет образ не только естествознания, но воплощает идею Науки, в рамках которой:

- реальность качественно однородна – живое сводимо к неживому;
- познание суть репрезентация некоторого не зависящего от сознания «положения дел»: объект существует вне и независимо от субъекта, метод произведен от объекта;
- познаются не предметы, а их универсальные параметры (масса, сила и ускорение И. Ньютона); именно модельное описание – ключ к пониманию процессов неорганического (а также и органического) мира;
- законы извлекаются из данных опыта путем гипотетических обобщений;
- причинность есть жесткая каузальная обусловленность явлений.

Именно эта модель знания в XIX веке станет отправной при строительстве науки об обществе. Впервые ее проект был артикулирован А. Сен-Симоном. Именно он употребил словосочетание *la physiologie sociale* («социальная физиология»). Нетрудно догадаться, что вдохновлялся великий французский просветитель достижениями естественных наук. В работе «Труд о всемирном тяготении» Сен-Симон недвусмысленно писал: «Прогресс человеческого ума дошел до того, что наиболее важные рассуждения о политике могут и должны быть непосредственно выведены из познаний, приобретенных в высших науках и в области физики» [10, 212]. Если биология – «младшая сестра» небесной механики, то ничто не помешает и «социальное» растворить в «физическом». В продолжение своих рассуждений Сен-Симон обращается к вопросу о перспективах перехода истории на стадию научного знания, отмечая: «... Поскольку единственной наукой является классическая механика, то по своему строению история должна будет приблизиться к небесной механике» [10, 234]. Тем самым Сен-Симон воспроизводит формулу: «классическая механика» не *одна из наук*, но собственно Наука.

В этой связи появление в работах Сен-Симона самого термина «социология» – считается, что он пришел на смену «социальной физиологии» в 30-е гг., – содержательно ничего не меняло: никакой иной,

кроме «физической», науки об обществе быть не могло.

Огюст Конт, которому в историю европейской мысли суждено было войти в качестве «первооткрывателя» социологии, несомненно, многим был обязан Сен-Симону: как в карьерном отношении – Конт, как известно, некоторое время пребывал у Сен-Симона на службе, – так и в идейном плане.

Мысль Конта также насыщена разного рода классификациями, приобретающими одновременно характер жестких иерархий – и в исторической перспективе, и на концептуальном уровне. Прошлое в рамках позитивизма никогда не самоценно. Развитие есть «снятие» – наука фактически упраздняет все иные способы освоения реальности, «теология» и «метафизика» объявляются пройденным этапом в интеллектуальной эволюции человечества. Тем самым отношения «научного» и «не-научного» в рамках позитивизма строятся на принципах взаимоисключения, а наука оказывается одновременно «окончательным состоянием человеческого ума».

Принцип иерархизма всецело реализуется и применительно к современному Конту «позитивному мышлению». В его классификации, как известно, шесть наук – математика, астрономия, физика, химия, физиология (биология), социальная физика (социология). Однако на поверку последние пять оказываются лишь частными вариациями первой: математика «необходимо составляет исключительный отправной пункт последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной философии» [6, 234]. Наука есть знание «наблюдательное» (Конт даже формулирует закон «постоянного подчинения воображения наблюдению» как главный принцип позитивного мышления), а посему задача построения общественной науки напрямую увязывается Контом с необходимостью преодоления метафизического, т.е. чисто умозрительного способа рассмотрения действительности. «Реальное» в противоположность «химическому», «полезное» в противоположность «бесполезному», «достоверное» в противоположность «сомнительному» – новая «позитивная» наука социология призвана была сменить спекулятивную социальную философию на путях познания реальности человеческой истории. Именно в этом контексте рядом теоретиков становление социологии описывается в терминах «родовой травмы»: наследуя весь багаж философских знаний относительно природы общества, социальная наука, вместе с тем, пыталась отправить метафизику в предысторию мысли. «Социология была предложена как проект одновременно и вписанный в ряд легитимированных научных дисциплин, и противопоставленный иным типам дискурсов, заявлявших свои претензии на «приватизацию» проблематики социального» [1, 248]. Подобная эпистемологическая «двусмысленность» предопределила, пользуясь выражением Э. Тирриакьяна, «взаимное отчуждение» социальной науки и философии, заложниками которого долгое время оказывались обе формы мысли [См. 13].

Относительно же контовской социологии необходимо отметить, что наряду со ставкой на физику,

он выступает последовательным «реалистом», отчетливо формулируя принцип социологизма: «Положительное мышление... является прямо общественным... Для него человек в собственном смысле не существует, существовать может только человечество» [6, 185]. Общество существует до и помимо человека, именно оно должно стать предметом «положительной» социологии.

Весьма схожими были представления о конфигурации социальной науки у другого философа-позитивиста Герберта Спенсера, предложившего проект «Синтетической философии». В основе этой идеи – также убежденность в существовании универсальных законов, управляющих как органической средой, так и социальным миром. «Не подлежит сомнению, что действия людей, соединенных в общество, во всех их движениях и производительных процессах должны соотносываться с законами физических сил» [12, 318]. Тот факт, что социальное должно «соотносываться» с физическим, для Спенсера является достаточным основанием для растворения первого в физическом субстрате – социальная реальность в этой ситуации оказывается реальностью биологической популяции. Таким образом, попытка привнесения идей дарвинизма в обществознание оборачивается органицизмом: всеобщий эволюционизм и естественный отбор – равно успешные объяснительные модели для социальной науки.

Не избежал влияния позитивизма и Э. Дюркгейм. Являясь ключевой фигурой всей западной социологии, Дюркгейм, несомненно, куда более изощрен в своих теоретических построениях по сравнению с редуционизмом первых социологов-позитивистов. Однако и его социальная теория, как представляется, может быть интерпретирована в рамках изначально заявленной нами «социологической классики».

«Позитивность» мышления французского социолога обнаруживается, в первую очередь, в том, что контовское «человек в собственном смысле не существует» всецело приложимо и к его доктрине. Такова главная заповедь «реалиста» Дюркгейма: общество есть реальность *sui generis*, коллективное не сводимо к индивидуальному. Обнаруживаемый в знаменитом призыве «интерпретировать социальные факты как вещи» социологический реализм Дюркгейма требует изучения «вещей самих по себе», «отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов». Идея, по Дюркгейму, познается «изнутри», «вещь» же суть все, что «непроницаемо для ума», что познается «наблюдением и экспериментом». Именно «логика вещей» в концепции французского мыслителя есть модель объяснения человеческих действий.

При этом необходимо отметить, что Дюркгейм, причисляя себя к противникам разного рода философских спекуляций относительно устройства общества, вместе с тем, упрекал первых позитивистов в «метафизичности» их построений, утверждая, что рассмотрению «фактов» они предпочли анализ общих понятий о социальной действительности. Так, у Конта фигурирует идея прогресса человеческого разума, однако «прогресс» всего человечества, по

Дюркгейму, нельзя наблюдать. «Социальные явления суть вещи, и о них нужно рассуждать как о вещах. Вместо того чтобы наблюдать социальные факты, описывать и сравнивать их, довольствуются тем, что поясняют свои идеи... Науку о реальности подменяют анализом понятий, двигаясь не от вещей к идеям, а, наоборот, от идей к вещам» [3, 222].

Обвинения эти тем примечательнее, что и сам Дюркгейм социальную реальность интерпретирует в качестве надиндивидуальной реальности идей, как «коллективные представления». Социальные факты Дюркгейма суть «способы мышления, деятельности и чувствования», пусть и «находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» [3, 413].

Таким образом, в рамках дюркгеймовской теории, равно как и построениях Конта и Спенсера, «человеческий мир предстает как мир, управляемый объективными законами..., а общество рисуется как объективная данность, в большей или меньшей степени противостоящая субъективным желаниям и целям. Люди считали, что их взаимоотношения берут начало в объективных законах, действующих с необходимостью законов физических, а их свобода заключается в том, чтобы сообразовать свое частное существование с этой необходимостью» [8, 329]. В свете приведенного высказывания Г. Маркузе отметим: модель классического обществознания, несомненно, была вызвана к жизни самой социальной практикой XIX века, ее потребностями и спецификой формирующегося индустриального общества. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что «обезличивание» и «омассовление» лишь впоследствии станут предметом проникнутой этическим пафосом философской критики – в экономическом же отношении именно тенденции унификации и стандартизации создавали условия технологического прорыва западных обществ. При этом неизбежной платой за интенсивные процессы модернизации оказывалось упразднение исторической и культурной гетерогенности, а также деиндивидуализация общественной жизни. Как следствие – на первый план выходят абстрактные функционально-ролевые характеристики субъектов. «Большие подсистемы общества – производство, право, образование, наука, политика – ориентированы на использование и умножение формально-социальных аспектов бытия людей. Частно-индивидуальная жизнь людей оказывается «по ту сторону» жестких социальных структур» [11, 282]. Классическая социальная теория была нацелена на объяснение механизмов функционирования социального целого, индивид здесь не более, чем статистическая переменная – «человек» суть всегда «одномерный человек», «человек-функция».

Подведем итог нашим рассуждениям.

Дисциплинарное оформление науки об обществе оправдано рассматривать в контексте «интеллектуальной революции Просвещения», которая «узаконила новый тип светского дискурса об обществе и окончательно закрепила и институционализовала идею социального изменения как «естественного состояния» общества» [2, 13]. Новый тип дискурса был

выстроен философами-позитивистами сообразно естественнонаучной модели рациональности, свое завершенное воплощение получившей в трудах Г. Галилея и И. Ньютона.

Небесная механика выступала в качестве раз и навсегда установленного основания знания, в качестве универсального методологического стандарта – модели постановки и решения исследовательской задачи. Социология в этой ситуации превращалась в «социальную физику»: притязания на научность с неизбежностью оказывались сопряжены с «физикализацией». В этой связи еще раз подчеркнем: принципиально невозможна была постановка вопроса о специфике науки об обществе, – всякая «специфичность» сравнительно с естественнонаучным стандартом артикулировалась лишь в негативном ключе, как требующая преодоления незрелость дисциплины.

Подобная установка задавала соответствующую конфигурацию классической социологии. Предмет последней – «объективно» существующий социальный порядок как внешняя, отчужденная от человека реальность. В качестве не подлежащего сомнению выступает тезис о первичности надиндивидуальных структур, их принудительного по отношению к действующим субъектам характера. По этой причине поступки людей в рамках классической модели всегда, скорее, некие неосознаваемые «последствия» социальных институций, а не собственно индивидуальное целеполагание.

Ориентация на поиск устойчивых, инвариантных характеристик объекта приводит к тому, что социальное лишается процессуальности: общество предстает как бы в «готовом виде». На концептуальном уровне статика явно преобладает над динамикой. «Социальное» есть некая данность, его упорядоченность как таковая не проблематизируется – она рассматривается как относящаяся к самому порядку вещей.

В качестве «ставших», а не «становящихся» рассматриваются и методы: они суть жестко зафиксированные, их цель – объяснение и предсказание, а также контроль над изучаемыми явлениями. По аналогии с физическим, социальное мыслится как однозначно детерминированное (в лапласовском ключе), отсюда – идея подконтрольности человеческой истории.

В целом проекция идеала математизированного обществознания на социальные науки с неизбежностью оборачивается признанием безусловного авторитета количественных методов анализа. Как следствие – идея формализации социальной теории, ориентация на своего рода «калькуляцию» общественных процессов – исследование всех параметров социальной жизни на предмет статистических корреляций. Подобно рода методология социальной науки может быть интерпретирована в терминах «философского исчисления» Г. Лейбница, знаменитое «давайте посчитаем!» которого являло собой попытку полной математизации человеческого знания: для разрешения всякого спора «достаточно было бы взять в свои руки перья и сесть за свои счетные доски» [4, 387].

Список литературы:

1. Абушенко В.Л. Социальная теория: о возможности согласования дисциплинарных эпистемологических позиций // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. Философские и научные основания современной социальной теории / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2007. С. 246-262.
2. Девятко И.Ф. Теории деятельности и практической рациональности. – М.: «Аванти плюс», 2003. – 336 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
4. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. – М.: Академический проект, 2008 – 783 с.
5. Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
6. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с.
7. Кузьмин А.А. Критика рефлексивного разума. – Новгород: Нов ГУ, 1998. – 185 с.
8. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. – СПб.: «Владимир Даль», 2000. – 540 с.
9. Меркулов И.П. Эпистемология (Когнитивно-эволюционный подход). Т.1. – СПб.: РХГИ, 2003. – 473 с.
10. Сен-Симон А. Избранные сочинения. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Т. 1. – 468 с.
11. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.
12. Спенсер Г. Социология как предмет изучения. – СПб., 1896.
13. Тирикьян Э. Социологизм и экзистенциализм // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. Философские и научные основания современной социальной теории / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2007. С. 51-76.
14. Эйнштейн А. Физика, философия и научный прогресс/. – Режим доступа: URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/einscht_fizfil.php (дата обращения: 25.12.2016).